

Сы Сянь, спотыкаясь, вышла из больницы, вспоминая слова врача. На улице было холодно, шел мелкий град. Она дрожала, кутаясь в ватное пальто, и шла по оживленной улице, где прохожие толкали ее худые плечи. Весь мир казался холодным и серым, деревья были голыми, небо затянуто тучами. В тот день, когда ушла та женщина, светило солнце. Она, наверное, забрала ребенка с собой, не доверяя ей воспитание. Ребенок, которого она так и не увидела, ушел вместе с ней. Живот уже не был округлым, тело стало легче, но плечи все равно тяжелели. Ребенок, который был с ней в самые трудные месяцы ее жизни, которого она так и не успела как следует рассмотреть, не услышала его плача, не услышала, как он ласково называет ее мамой. Ушел, как и та женщина. Что ей делать? Как жить дальше? Сы Сянь присела на землю, чувствуя, как волны тошноты поднимаются внутри. Она прикрыла рот рукой, пытаясь сдержать рвоту.

— Мисс... Вы в порядке?

Сы Сянь покачала головой, и слезы покатались по ее щекам.

Вернувшись домой, она увидела урну с прахом Цзы Цзюньнин, стоявшую на прежнем месте. Она крепко обняла ее, а домоправительница беспокойно говорила:

— Госпожа, зачем вы вернулись? Вы еще так слабы, я сейчас позову господина Чжана.

— Вы... все знаете?

Домоправительница смутилась, неуверенно спросила:

— О чем вы, госпожа?

Сы Сянь взглянула на маленькие вещички, которые Цзы Цзюньнин приготовила для ребенка. Она взяла в руки крошечные туфельки, такие милые и аккуратные, но ее ребенку не суждено было их носить. Вокруг стало темно, и появились фигуры в красных плащах, с легким звоном колокольчиков на запястьях и лодыжках. Впереди кто-то нес только что умершего младенца. Сы Сянь отступила назад, живот ее внезапно опал, а младенец вдруг засмеялся, и из его глаз и рта потекла кровь. Лицо ведущего было скрыто.

*

Мы пришли из тьмы и уйдем в тьму. Мы пришли из отчаяния и уйдем в отчаяние. Мы пришли из смерти и уйдем в смерть. Князья и нищие, черви и муравьи — все мы лишь временные гости в этом мире. Мы знаем ваши мысли, чувствуем ваши желания. Посланники ада, не спешите, позвольте нам проводить вас в Землю тьмы, Землю отчаяния, Землю смерти.

*

Это был праздник Весны 1995 года. Чжао Чжунсян еще не стал лицом рекламы оздоровительных программ и не был замешан в скандале. Он все еще был ведущим на новогоднем гала-концерте. Тогда праздничные программы были полны атмосферы, и на сцене выступали звезды, которые позже стали недостижимыми. Госпожа Го, мать «Серебряного копейщика» Мэн Гэ, сладкоголосая Ян Юйин и другие. Среди гостей из Гонконга был и Лю Дэхуа. После того как в 1984 году песня «Мое китайское сердце» стала хитом, приглашение звезд из Гонконга на новогодние концерты стало традицией. 27 мая 1985 года Китай и Великобритания обменялись ратификационными грамотами, и «Совместная декларация» вступила в силу. Гонконг вступил в 12-летний переходный период, и все верили, что его возвращение неизбежно.

Пока все собирались смотреть концерт, Сы Сянь, в соломенной шляпе и большом черном плаще, шла по грязной дороге к дому второго дяди. Дождь смывал темные круги под ее глазами. Она не спала несколько дней, словно пережив двадцатилетний сон. Во сне она была слишком тороплива, во сне она наслаждалась богатством, и во сне она потеряла любимого человека. Проснувшись, она почувствовала себя бабочкой, запутавшейся в снах Чжуанцзы. Она провела рукой по лицу — кожа была упругой и гладкой, несмотря на отсутствие ухода. Ладони, хоть и покрытые мозолями, не имели ни одной морщины. Кто же снился — она двадцатилетняя или она через двадцать лет? Несколько дней назад вторая тетья пришла звать ее на новогодний ужин. Первым, кого она увидела, проснувшись, была вторая тетья. Сы Сянь сильно испугалась — вторая тетья была слишком молода, ее волосы еще не поседелели, а лицо не покрылось морщинами.

Вторая тетья долго ворчала, но все же налила Сы Сянь чашку воды. Сы Сянь медленно проглотила воду, и мозг ее прояснился. Вторая тетья продолжала говорить, что Сы Сянь пора выходить замуж, ведь в прошлом году хорошую партию упустили в пользу семьи Лао Лю из деревни. В прошлом году Сы Сянь была в первом классе старшей школы, и второй дядя хотел выдать ее за третьего дядю старосты деревни. Если все шло как в прошлой жизни, то в этом году вернется третий дядя, который уже несколько лет не бывал на родине. В тот год карьера третьего дяди зашла в тупик — он был на шаг от перевода из местного управления в провинциальный комитет партии. Сы Сянь сомневалась, если эти двадцать лет действительно были ее жизнью, то в ближайшие дни произойдет событие — столетний старик из деревни не переживет зимы, и на один день устроят поминальный обед. Сы Сянь помнила, как на том обеде она съела целую миску мяса с цветами сливы — она была слишком голодна.

— Гэнь пришла, — родственники поздоровались с Сы Сянь, и она, сняв шляпу, улыбнулась в ответ.

Гэнь было ее детским прозвищем. В ее родной деревне было принято отдавать детей на воспитание в семьи с крепким здоровьем, чтобы защитить их. Сы Сянь была отдана в семью мясника по фамилии Юань, который и дал ей прозвище Гэнь.

Родственникам нравилась вежливость девушки. Она повзрослела, а раньше, после пары лет учебы, была слишком замкнутой. Вторым дядя тоже был удивлен ее визитом. С тех пор как год назад они открыто обсудили их разногласия, Сы Сянь больше не заходила к нему. Вторым дядя был простым крестьянином, мечтавшим о сыне. Он не мог ударить приветливую девушку и, смахнув пепел с трубки, пробормотал:

— Гэнь пришла, похудела, а?

Старшая дочь второго дяди была на три года младше Сы Сянь, умная и трудолюбивая девочка. Когда Сы Сянь голодала дома, именно она приносила ей лишние фрукты.

— Сестра.

— Да, — Сы Сянь с теплотой погладила голову девочки, и глаза ее наполнились слезами.

Она помнила, как в 1996 году у девочки случился приступ астмы, и она утонула в канаве, когда несла воду второму дядю.

— Сестра, что с тобой? — Голос девочки был звонким, ей было четырнадцать.

Ее крик привлек внимание младших сестер, которые тоже подбежали, крича:

— Сестра, сестра! Что случилось?

— Ничего... ничего... — Сы Сянь быстро вытерла глаза, а старшая дочь протянула ей тряпку. — Вода попала в глаза?

— Наверное, да.

За обедом кто-то заговорил о столетнем старике из деревни, сказав, что он здоров и теперь переживет еще одну зиму. Сы Сянь молча жевала горячий рис. Здоров? Значит, эти двадцать лет действительно были сном? Сном? Какой же это был реалистичный сон — такая безумная любовь оказалась лишь иллюзией. Она готова была отпустить все богатства, но не могла смириться с тем, что та женщина была лишь миражом. Цзы Цзюньнин, Цзюньнин, Сяо Нин.

На обратном пути дождя не было, но воздух был сырым. Второй дядя шел за Сы Сянь с фонариком. Он несколько раз пытался уговорить ее остаться на ночь, но Сы Сянь настаивала на возвращении домой. У двери он еще раз напомнил ей о мелочах и сунул ей в руку несколько смятых бумажек. Сы Сянь отказалась, сказав, что купит старшей дочери конфет. Второй дядя сжал губы, но не стал спорить.

Наблюдая, как он удаляется, Сы Сянь вошла в свой старый, разваливающийся дом. Она зачерпнула воды из колодца и сделала несколько больших глотков. Вода была ледяной, и Сы Сянь почувствовала, как зубы начинают стучать от холода, а голова проясняется. В этот Новый год, в том сне двадцатилетней давности, она не пошла к второму дядю. Она пришла к нему только после окончания экзаменов.

Второй дядя — мужчина.

Чжао Чжунсян — мужчина.

Третий дядя — мужчина.

Красные плащи.

Провинциальный комитет партии.

Пекин.

Земля смерти.

Фонарик.

Ян Юйин — женщина.

Цзы Цзюньнин — женщина.

Гонконг.

Сы Сянь — женщина.

Сяо Нин — женщина.

Земля тьмы.

Земля отчаяния.

<http://bllate.org/book/16743/1561466>